

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8 ИСТОРИЯ

№ 3 • 1998 • МАЙ—ИЮНЬ

Издательство Московского университета

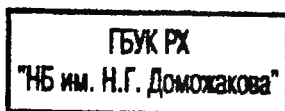
Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

- К 90-летию Бориса Александровича Рыбакова* 3
- Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии 8
- Степанова Е.А. Влияние войны в Персидском заливе 1991 г. на формирование современной американской модели регулирования региональных конфликтов 36
- Колосова Н.В. Русско-шведские отношения после создания Венской системы (1815—1816 гг.) 57
- Сарапуу Я.Т. Кавказский вопрос во взглядах и деятельности Д.А. Милютина 71
- Шляпникова Е.А. Григорий Александрович Потемкин (исторический портрет на фоне эпохи) 90
- Тогоева О.И. Правила «справедливой» пытки в уголовном суде Франции XIV в. 104

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

- Отчет о деятельности информационно-аналитического центра по теоретическим проблемам исторической науки исторического факультета МГУ 118
- Отчет о работе конференции «Государственное управление: история и современность» 125

Л.Р. Кызласов

СЕВЕРНОЕ МАНИХЕЙСТВО И ЕГО РОЛЬ В КУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ НАРОДОВ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Как стало известно ныне, «ветры», с ранних времен приносившие плодотворные культурные импульсы и идеи в Южную Сибирь, были юго-западными или западными, но они всегда пролетали над Срединной Азией. Сибирь к раннему средневековью все больше становилась естественным культурным продолжением степей Средней Азии на север. Вот и Мани — создатель новой, манихейской, религии и первый пророк ее, родившийся в 216 г. н.э. в далеком Двуречье, произносил свои пламенные проповеди, бродя по разным странам от Вавилонии, Ирана и Средней Азии вплоть до Индии, а достигли они Китая, Центральной Азии и юга Сибири.

Мани считал, что и зороастризм, и христианство, и буддизм — это по происхождению одна и та же «правильная» вера, искаженная людским непониманием, и он послан восстановить ее. Называя себя «посланником бога Истины», он в то же время был трудолюбивым ученым и писателем. Согласно традиции, Мани изложил канон своего учения в семи книгах, сам изобрел манихейскую письменность на арамейской основе, прославился как одаренный художник, выработавший особый стиль миниатюр для украшения рукописей священных манихейских книг, а также оставил образцы церковной фресковой живописи. Со времени своего возникновения в манихействе большую роль играли астральные культы, и «люди в белых одеждах» (как обычно называли манихеев по цвету их головных уборов и одеяний) скоро стали астрологами-звездопоклонниками и астрономами. Итак, книжность и образованность лежали у истоков манихейского учения.

В своем раннем труде «Шапуракан» («Книга Шапура», 243 г.) Мани пророчески писал: «Вера моя ясной бывает в каждой стране и на любом языке и распространяется в далекие страны». Так и вышло. К XI—XII вв. проповедники его вероучения действовали на просторах всего Евразийского материка от Атлантического океана до Тихого¹. Хорезмийский ученый Абурайхан Бируни, отмечая, что в

¹ Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. СПб., 1994. С. 131; Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969. С. 74; Смагина Е.Б. Манихейство // Религии Древнего Востока. М., 1995.

его время (в первой половине XI в.) община последователей Мани существовала в мусульманском Самарканде, сообщал: «Что же касается немусульманского мира, то веру Мани и его учение исповедуют большинство восточных тюрков, обитатели Китая, Тибета и части Индии»². На западе после VIII в. манихейские сообщества оставались в Северной Африке, Испании, Франции и на Балканском полуострове. В XI—XII вв. это были так называемые секты богомилов, действующие среди христиан в Болгарии, и катаров-альбигойцев — во Франции. До XV—XVI вв. в Западной Европе манихеев клеймили именем «еретиков-демономанов», занимавшихся якобы демонологией.

На востоке манихейство от поздних уйгуров (не без участия древних хакасов) передалось киданям, после того как их первый император Абаоци в 924 г. вторгся с войском на запад, захватив бывшие уйгурские степи вплоть до г. Ордубалыка. В 1128 г. мусульманский Кашгар и Семиречье испытали нашествие киданей, вышедших с Орхона (Бэй Ляо). Арабский историк Ибн ал-Асир (умер в 1233 г.) писал о возглавлявшем киданское войско Гурхане: «Он был манихеем». Впоследствии сильное воздействие манихейства фиксируется в верованиях монголов в эпоху Чингисхана. В XIII—XIV вв. манихейские общины активно действовали в Восточном Туркестане и в Китае. А в Южном Китае манихейская церковь просуществовала до XVI в.³

Более поздние остатки угасающего манихейства сохранились до современности у саяно-алтайских тюрков (алтайцев, хакасов, тувинцев, тофов и др.), а также у обитающих на Оби и Енисее хантов, селькупов, кетов и эвенков. Они ясно выражены в так называемых «шаманизме», «бурханизме» и в бытовых верованиях аборигенных народов, в лексическом составе их языков. Алтайские бурханисты прямо указывали на «людей в белых одеждах», приехавших на Алтай и учивших народ верить в единого бога. Манихейскими по своему существу являются хакаские нагорные общественные моления небу, происходившие без участия шаманов; моления в гротах, ночные бдения в пещерах. То же установлено для народных верований и сакральной лексики кетов Енисея и Подкаменной Тунгуски⁴.

² Бируни А. Избранные произведения. Ташкент, 1957. С. 213.

³ Смагина Е.Б. Указ. соч.; Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. С. 76—78; Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. 1. С. 65.

⁴ Топоров В.Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981; Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1992. С. 99; Данилин А.Г. Бурханизм. Горно-Алтайск, 1993.

Объяснений большинству указанных выше явлений ученые еще не находили. Поэтому не существовало ясного представления о северном ответвлении манихейства и его истории. Настоящая статья является первым опытом прояснения этой важнейшей темы, без исследования которой нельзя представить себе истинную духовную культуру народностей, обитавших в Сибири в средние века.

1

После гибели Второго Восточнотюркского каганата, на высоких плоскогорьях Центральной Азии возникло новое сильное государство тюркоязычных племен и народностей — Уйгурский каганат (745—840 гг.)⁵. Объявив себя наследниками Восточнотюркского каганата, правители уйгуров и их народ сумели, как выяснилось ныне, в середине VIII в. вызвать не только неожиданный, скачкообразный взлет собственной культуры, но и придать мощное ускорение культурному развитию соседних народов Южной Сибири и Центральной Азии: азам, чикам, тюркам, древним хакасам, кимакам, карлукам, курыканам и др.

Прежде всего, в Уйгурии удалось впервые перевести в оседлое состояние часть скотоводческого населения страны. Это сопровождалось невиданным до того размахом строительства городов, замков, стационарных поселений, храмов и монастырей. Особое развитие получила государственная сеть почтовых трактов со станциями, обеспечивавшими содержание и замену перекладных лошадей для проезжих посланников, гонцов и купцов⁶. С привлечением свободных согдийских поселенцев и военнопленных китайских мастеров Элетмиш Бильге-каган (Моюн-чур, 747—759 гг.) — этот поистине великий каган-строитель — в 750—757 гг. в четырех регионах страны возводил крепости, длинные стены, дворцы: еще в 750 г. в завоеванной им земле чиков он приказал «устроить свой беловатый лагерь и дворец с престолом... заставил построить крепостные стены»; в Этюкенской черни «велел устроить свой дворец, там... велел построить стены»; в центре государства «у соединения Орхона и Балыклыка велел строить и воздвигнуть государственный дворец и государственный дом». Именно он начал строить столицу государства — город Ордубалык. Затем он же «...согдам и табгачам дал приказ

⁵ Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. С. 46—52; Он же. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992. С. 83—88.

⁶ Сведения Тамима ибн Бахра (VIII—IX вв.): Материалы по истории Средней и Центральной Азии X—XIX вв. Ташкент, 1988.

на берегу Селенги построить город Байбалык»⁷, т.е. «Священный город». Судя по типичному плану, тогда же уйгурами на землях покоренных северных карлуков была построена самая западная прямоугольная крепость в верховье Иртыша, выше озера Зайсан⁸. Последующие каганы уйгуров отстроили на Орхоне и Селенге центральные города: столичный Ордубалык, храмовый Марубалык, резиденцию жен каганов Хатунбалык, а также торговый «Уйгурский город» в Дунбее и др.⁹

В 750—751 гг., укрепляя северо-западные границы государства, войска уйгурского кагана завоевали тюркоязычных чиков, обитавших в Тувинской котловине. По приказу Элетмиш Бильге-кагана в долинах Хемчика и Улуг-Хема впервые в истории Срединной Азии возводится стратегически продуманная мощная оборонительная система, состоявшая из уникальной Долгой глинобитной стены (длиною свыше 230 км), в которую входили 17 квадратных и прямоугольных крепостей с толстыми глинобитными стенами, а также — вынесенные вперед бастионы. Эта внушительная защитная линия прикрывала Уйгурский каганат с севера от внезапных прорывов древнехакасских войск.

Планы уйгурских крепостей (площадью от 0,6 до 18 га) схожи со среднеазиатскими торткулями. Археологические исследования доказали, что общее руководство и все основные работы по сооружению столь ответственных объектов в Туве выполнялись согдийскими архитекторами и строителями. Эти выдающиеся мастера своего дела широко применяли здесь ценный опыт среднеазиатского зодчества¹⁰. В связи с нашей темой подчеркнем, что согдийцы, во множестве проживавшие в то время в Уйгурском каганате, в основном исповедовали манихейскую религию. Среди них было немало миссионеров-вероучителей.

Размах строительства городов, крепостей и селений в центральноазиатском государстве уйгуров в VIII в. отмечали еще арабские географы. Например, Тамим ибн Бахр ал-Мутаваи, побывавший в Ордубалыке на реке Орхоне, описал, что он ехал «двадцать дней среди сплошных деревень и многочисленных построек. Большая

⁷ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.:Л., 1959. С. 40—43.

⁸ Черников С.С. Памятники культуры ойрат-калмыков // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1960. Вып. 1. С. 130—132. Рис. 4 (определение городища наше. — Л.К.).

⁹ Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. // История и культура Востока Азии. Новосибирск, 1974. Том II. С. 65, 145, 146.

¹⁰ Кызласов Л.Р. Культура древних уйгур (VIII—IX вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 52—54. Рис. 30—32.

часть населения там — огнепоклонники, придерживающиеся вероучения магов. Среди них есть и зиндики, следующие учению Мани. После этих дней он прибыл в город царя... это огромный, укрепленный город, вокруг которого населенные сельские волости и сплошные деревни. У этого города двенадцать железных ворот, огромных по величине. [Это город] с многочисленным населением, толчеей, рынками, торговлей. Большинство его жителей следуют вероучению зиндиков», т.е. манихеев¹¹.

Слух об отстроенной в Туве Долгой стене достиг благодаря арабским купцам ушей самого халифа ал-Васика, жившего в 842—847 г. в Ираке. По приказу повелителя правоверных специальная экспедиция во главе с Салламом ат-Тарджуманом — переводчиком с «тридцати языков» — отправилась к «этой стене», которую халиф считал упомянутой в Коране преградой, якобы сооруженной Зу-л-Карнайном (Александром Македонским). Оба упомянутых путешествия произошли в конце VIII и в начале IX в. Причем Саллам, описавший уйгурские крепости и стену, побывал на территории Тувы в 846 г. (т.е. уже после присоединения бассейна Верхнего Енисея к Древнехакасскому государству). Он сообщил, что «в этих крепостях живет народ, говорящий по-арабски и по-персидски»¹². В ту эпоху это несомненно были согдийцы.

2

Вернемся, однако, к началу 758 г. Тогда в Туве все тот же Элетмиш Бильге-каган подготовил и осуществил по замерзшему льду Енисея дерзкое вторжение на север — в Древнехакасское государство. Внезапность способствовала удаче уйгурской кампании. Древнехакасскому правителю не удалось откупиться обычной данью. Ему пришлось признать свою вассальную зависимость и принять от Элетмиш Бильге-кагана особый принижающий его достоинство титул: Бильге-(тун)-иркин¹³.

И хотя Элетмиш Бильге-каган умер в 759 г., вся вторая половина VIII в. прошла для древних хакасов под сенью уйгурского административного и, главное, культурного воздействия. Это было по

¹¹ Материалы по истории Средней и Центральной Азии X—XIX вв. С. 77—78. Поездка Тамима состоялась после 762—763 г., когда центральноазиатские уйгуры объявили манихейство государственной религией, и до 779 г., когда в Ордубалыке произошел антиманихейский переворот. О городах, деревнях и земледелии уйгуров во время их обитания в «Монголии» см.: Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Казань, 1906. С. 36.

¹² *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. Баку, 1986. С. 130.

¹³ *Maenchen-Helfen O. Manichaeans in Siberia // Semitic and Oriental Studies. Berkeley-Los Angeles, 1951. P. 324.* (За манихейские автором ошибочно приняты писаницы более ранней таштыкской эпохи.)

уйгурскому военному установлению закреплено присутствием к северу от Саян какого-то контингента своих войск, на что, вероятно, указывают отмеченные в XVIII в. П.С. Палласом остатки прямоугольной глинобитной крепости уйгурского образца на правом берегу, вблизи выхода Енисея из гор, при устье реки Сус (на месте современного села Шушенского). Характерно, что ранее, в 750—751 гг., как уже говорилось, подобные же крепости были сооружены уйгурами в верховьях Иртыша, в земле побежденных карлуков и в верховьях реки Хемчика, где она вытекает из ущелья на землю тувинских чиков.

Как видим, поход 758 г. впервые открыл свободу для передвижения через Туву в Хакасию согдийских строителей и миссионеров-манихеев, путешественников и купцов, как среднеазиатских, так и восточнотуркестанских, иранских и арабских. Постепенно бассейн Среднего Енисея стал самым северным районом земного шара, куда проникло манихейское вероучение. Еще недавно никто из исследователей не смог бы даже предположить, что манихеи сочли за благо создать в Хакасии в VIII в. два храмовых центра с монастырями и городской застройкой¹⁴.

Едва ли, однако, древнехакасские правители приняли манихейство раньше уйгуров. Государственной религией манихейское учение провозгласил уйгурский Эльтутмыш-каган (он же Бёгю-каган, 759—779 гг.), возвратившись из китайского похода в Ордубалык на реке Орхоне в 763 г. Сам же каган принял манихейство еще в 762 г., находясь в китайском городе Лояне¹⁵. Однако спустя 16 лет после утверждения новой веры, в 779 г. в Ордубалыке произошел антиманихейский переворот. Бёгю-каган, его сыновья и некоторые согдийские манихеи были убиты. Но многие приверженцы религии Мани, как теперь можно думать, успели убежать на Енисей. Еще через 16 лет, в 795 г., новая каганская династия во главе с Алп Кутлугом (795—805 гг.) восстановила в Ордубалыке манихейскую веру.

Вкупе с приведенными фактами пребывания уйгуров на Среднем Енисее в 50—60-е годы VIII в. наука сегодня располагает новыми данными, позволяющими считать, что строительство храмовых

¹⁴ В течение 1972—1981 г. оба священных объекта были исследованы Хакасской археологической экспедицией, работавшей под руководством автора (см.: *Кызласов Л.Р.* Раскопки средневекового здания в Хакасии // АО 1973 года. М., 1974; *Кызласов Л.Р., Кызласов-И.Л.* Завершение раскопок монументальных зданий Уйбатского города // АО 1981 года. М., 1983).

¹⁵ *Chavannes Ed., Pelliot P.* Un traité manichéen retrouvé en Chine // Journal Asiatique. 11 Série. Tome I. № 1 et № 2. Paris, 1913.

городов означало объявление манихейства государственной религией самого Древнехакасского государства. Это произошло одновременно с возвращением хакасами полного суверенитета своей страны, скорее всего, в эпоху высшего подъема и расцвета Уйгурского государства при манихее-правителе Бёгю-кагане, т.е. еще в период 763—779 гг. Потому-то, видимо, впоследствии Кутлуг Бильге-каган (790—795 гг.), сын низвергателя манихейства, начал новую войну с древними хакасами¹⁶, которая не принесла ему никакого успеха¹⁷.

Древнехакасское государство, освободившись от политического и экономического гнета уйгуров, быстро набрало такую силу, что смогло начать двадцатилетнюю освободительную войну (820—840 гг.). Война эта закончилась ликвидацией Уйгурского государства в Центральной Азии и созданием Древнехакасского каганата (840—1293 гг.), ядро которого составили саяно-алтайские тюрки, выступившие под эгидой древнехакасской царствующей династии из рода Хыргыс. Недаром глава обновленного государства был назван «Хырхыз-хаканом» в анонимном сочинении на персидском языке, написанном в 982—983 гг. Труд этот именуется в науке «Худуд ал-'алам» («О пределах мира»). В тексте его прибавлено, что Хырхыз-хакан живет в городе Кемиджкет, т.е. в «Енисейском городе» (Кем — тюркское название Енисея, кет — по-персидски означает «город»)¹⁸. Персидское название города подтверждает приведенное выше сообщение Саллама о том, что в 846 г. в Туве жил «народ, говорящий по-арабски и по-персидски».

Древнехакасский каган — победитель уйгуров в сражениях 840 г. — носил гордое имя Алп Урунгу — «Доблестный герой». По свидетельству китайских хроник того времени, хакасы называли своего государя «ажо» (ажэ)¹⁹. Титул ажо существовал только в Древнехакасском государстве и неизвестен у других народов.

---

¹⁶ Hansen Olaf. Zur soghdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasun // Journal de la Societe Finno-ougrienne, XLIV, 3. Helsingfors, 1930; Васильев В.П. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне // Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб., 1897. Вып. III. С. 25.

¹⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. I. С. 355.

¹⁸ Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. 1. С. 41.

¹⁹ Maenchen-Helfen O. Manichaeans in Siberia... P. 320. Прим. 40; см.: Кызласов Л.Р. Новая оценка жизнестойкости Древнехакасского государства // Кызласов Л.Р. Земля Сибирская. Абакан; Москва, 1994. С. 35—38; Он же. История Тувы в средние века. М., 1969. С. 90.

Мало кто знал, что в VIII—XIII вв. в Сибири существовал крупный очаг северного ответвления манихейского вероучения. Центром его стала Хакасско-Минусинская котловина, а затем степи и горы всего Саяно-Алтайского нагорья. Древнехакасский каганат, занимая огромные земли и проводя собственную политику, рассылал своих миссионеров и в соседние страны, в результате чего догматика этой мировой религии и ее книжность распространялись к северу — вниз по долинам Иртыша, Оби и Енисея — к разноязычным аборигенам Западной и Восточной Сибири, а к юго-западу — в бассейн Среднего Иртыша, где у дружественных кимаков также появились адепты-манихеи, храмы и енисейская руническая письменность²⁰.

Земля сибирская сохранила то, что трудно было предугадать. Раскопки археологов в Хакасии выявили два важнейших городских храмово-монастырских центра: один в степи, другой — в горах Батеневского кряжа. Степной город был столичным и располагался в дельте реки Уйбат, левого притока Абакана (рис. 1). На протяжении пяти веков в этом духовном центре действовало не менее одиннадцати манихейских храмов. Большинство из них представляли собой монументальные архитектурные сооружения со стенами из сырцового кирпича, но использовались также и деревянные конструкции и пахсовые блоки (рис. 2).

Три храма с течением времени сменили друг друга. В разное время к ним были пристроены еще два небольших сырцовых храма и четыре облегченных деревянных святилища, посвященных божествам стихий: Огня, Воды и Воздуха. Наконец, самый поздний храм был воздвигнут как отдельное прямоугольное здание в XI в.²¹ Просуществовал он, по археологическим данным, по-видимому, до монгольского завоевания Хакасии в 1293 г., а возможно и дольше. Вместе с ним действовало и пристроенное к нему снаружи второе деревянное святилище огня.

Без учета той части идеологического наследия, которое манихейцы получили от астрологов-звездопоклонников, именуемых арабами сабейцами (иноверцами), нельзя понять назначения раскопан-

²⁰ Кумекоев Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 111; Он же. Расселение карлуков по карте ал-Идриси (XII в.) // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981. С. 17—18.

²¹ Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Исследования в дельте Уйбата // АО 1976 года. М., 1977. План на с. 214; Они же. Архитектурные сооружения и курганы средневековых хакасов // АО 1974 года. М., 1975. План на с. 215.

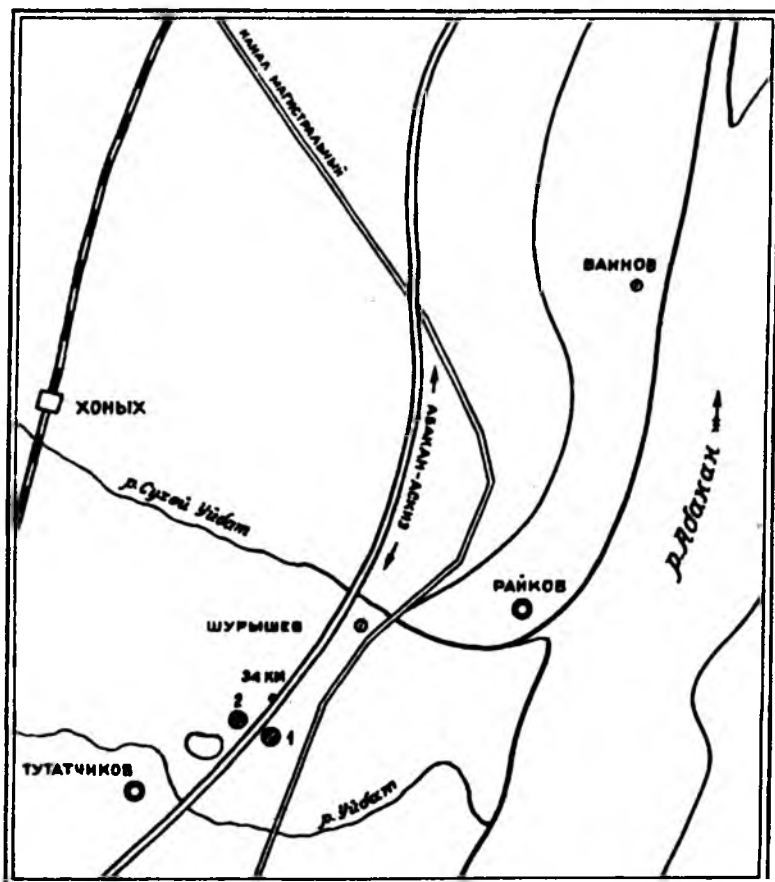

Рис. 1. Схема расположения бугров манихейских храмов в дельте реки Уйбат

ных в Хакасии храмов и святилищ. Выделим две особенности этого наследия: почитание семи великих небесных светил и символичность во внешней архитектурно-планировочной форме храмов.

Китайский источник VIII в. разъясняет: «Семь светил — это солнце, луна и пять планет, которые предводительствуют людьми. Ежедневно они сменяются. В конце семи дней [цикл их] начинается снова. Их названия следует помнить, потому что каждое светило имеет на то или иное предприятие влияние, благоприятное или неблагоприятное». Далее, в источнике сделано характерное добавление: «В случае запоминания... вам достаточно спросить об этом согдийцев, персов или людей пяти Индий, которые хорошо их зна-

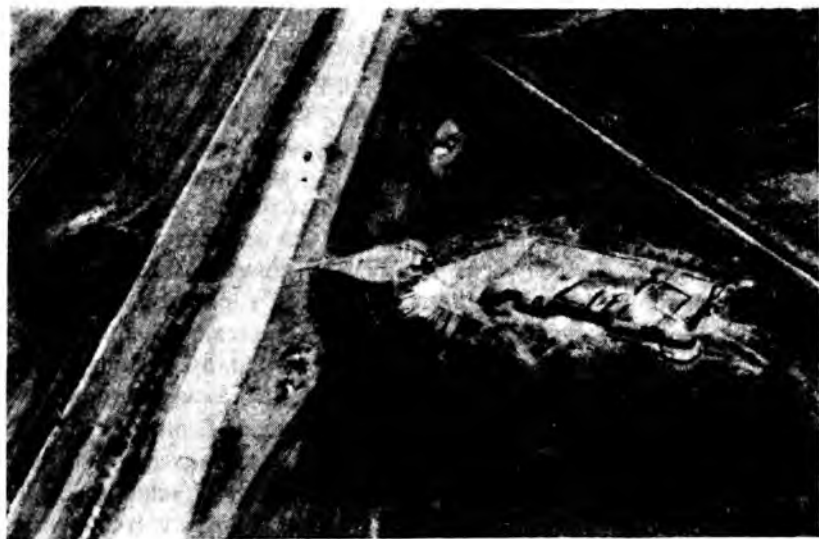

Рис. 2. Уйбатский город. Вид раскопок с воздуха, с северо-востока.
Справа от шоссе — монастырь, слева — храм Марса

ют»²². И действительно, в Согде, в руинах замка на горе Муг, найден согдийский календарь VIII в., выявивший, что названия дней семидневной недели были все посвящены авестийским божествам, ставшим позднее согдийскими именами планет. В переводе А.А. Фреймана это: «Михш заман — день Митры (Солнца) — воскресенье; Мах заман — день Луны — понедельник; Варахан заман — день Марса — вторник; Тир заман — день Меркурия — среда; Ормазд заман — день Юпитера — четверг; Анахид заман — день Венеры — пятница; Кайван заман — день Сатурна — суббота»²³.

Сабейцы канонизировали планировку храмов, связав каждое божество с определенной геометрической фигурой. Прежде всего у них, как и у индийцев, «квадрат символизировал небесный мир, которому присущи вечный порядок (гармония) и устойчивость. Земному миру присущи движение и развитие — его символом становится круг». Вот что сообщал, например, ал-Масуди, который получил в 943 г. сведения из первых уст и многому был очевидцем: «А к храмам сабейцев относятся храм Миропорядка, храм Необходимости и храм Души, — это здания, круглые по форме. Храм Сатурна — шестиугольный, храм Юпитера — треугольный, храм Марса — прямо-

²² *Chavannes Ed. et Pelliot P. Un traité manichéen retrouvé en Chine... P. 191.*

²³ Согдийские документы с горы Муг. М., 1962. Вып. 1. С. 46; ср.: *Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись, скульптура. М., 1973.*

угольный, храм Солнца — квадратный, храм Венеры [имеет форму треугольника внутри квадрата. Храм Меркурия имеет треугольную форму внутри удлиненного прямоугольника, храм Луны — восьмиугольной формы. Сабейцы в этом видят символы и тайну, которую они скрывают»²⁴. Дополняя эти данные описаниями Шахристани (умер в 1116 г.) и Димешки (XIV в.), мы можем понять сложность приведенной символической схемы, как выясняется далеко выходящей за пределы астральных культов. Вот что последний автор сообщает, например, о разнообразии круглых храмов: «К храмам тех сабейцев, которые признают цепь от причин к первопричине всех причин, принадлежат следующие — храм Первопричины, образующий круглую стену и имеющий форму полушария, установленный на земле в виде шатра», «храм Первого Разума, также состоящий из круглой стены без окон, далее храм Миропорядка (Гармонии), также с круглой стеной и без окон, далее храм Необходимости, в котором находятся фигуры и изображения девяти сфер. И наконец, храм Души — круглый, как и предыдущие, в котором находится скульптурное изображение человека, имеющего много различных голов, рук и ног». Геометрическая символика дополнялась, как выясняется, и цветовой, выразившейся в окраске храмов. Следует заметить, что круглые планировочные формы были связаны с почитанием олицетворенных абстрактно-философских понятий, а все формы многоугольников, очевидно, увязывались с божествами планет²⁵.

Неслучайно хорезмиец Абурайхан Бируни (XI в.) сабейцами называл именно среднеазиатских манихеев, которые в его время все еще сохраняли общину верующих в Самарканде (эта община, по ан-Недиму, в конце X в. насчитывала 500 человек)²⁶. Опыт наших раскопок в «Уйбатском городе» свидетельствует, что искусственные манихейские зодчие канонизировали геометрические формы архитектурного построения храмов, которые получили в наследство от своих предшественников астрологов-звездопоклонников. Каждый из изученных в Хакасии храмов посвящался лишь одному божеству или понятию из числа семи великих небесных светил или понятий.

Самым ранним сооружением (быть может, относящимся ко времени уйгурского завоевания в 758—759 гг.) явилась здесь, в городе на реке Уйбат, квадратная «крепость» 30×30 м (типа торткуль), совершенно схожая с крепостями, сооруженными согдийцами в Туве.

²⁴ Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам Пянджикентских храмов // Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. С. 65.

²⁵ Булатов М. С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX—XV вв. М., 1988. С. 16—17.

²⁶ Бартольд В. В., академик. Сочинения. М., 1963. Т. II. Ч. I. С. 216.

Аккуратнейшая кладка из тщательно сформованных желтоглиняных сырцовых кирпичей свидетельствует о работе опытных мастеров-строителей. Стены, достигающие в высоту 4 м, как и должно, плавно расширялись книзу²⁷. В восточной стене сохранилась узкая сводчатая калитка, заложенная пахсой при более поздней перестройке (рис. 3). Посредине открытого к небу двора (22×22 м) найдены

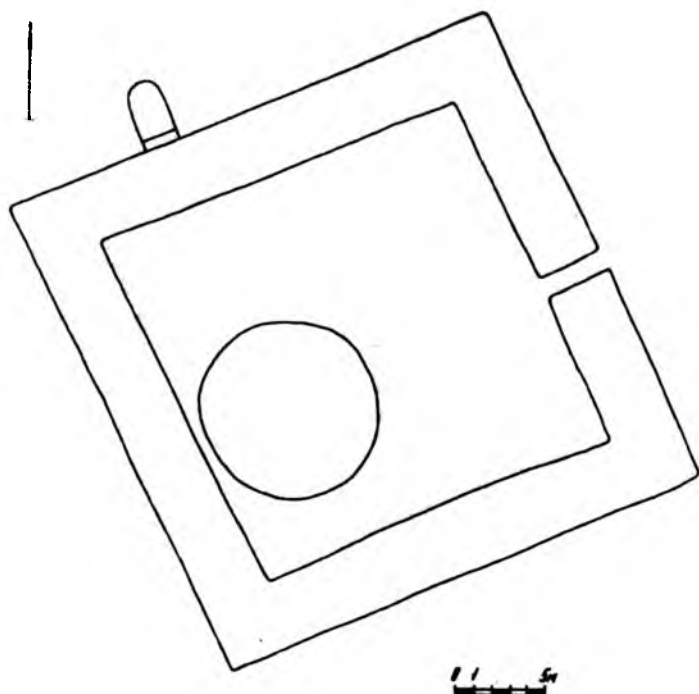

Рис. 3. План храма Первопричины (758—759 гг.). Внутри — вихара с куполом, снаружи — скругленная платформа храма Огня

остатки круглого в плане строения типа вихары. Стены его из тонких гибких прутьев, воткнутых вплотную друг к другу, поднимались, создавая сверху купол (ср. рис. 3 и 4). Снаружи и изнутри вся постройка была оштукатурена глиняным раствором, а круглый пол выстлан деревом. Раскопки подтвердили правильность описания Димешки храма Первопричины, который действительно был «установлен на земле в виде шатра». Вряд ли это случайно: ведь по сабейской

²⁷ Ср. таким же образом сложенные стены внутренней квадратной цитадели уйгурского III Шагонарского городища в Туве (Кызласов Л.Р. Древняя Тува. М., 1979. С. 146, 150. Рис. 105, разрез).

космологической концепции Первопричина дает движение всему Космосу.

Рис. 4. Изображение вихары (столбики, планки, тростниковые циновки) на китайском лаковом блюде. Хранится с 756 г. в сокровищнице Шосоин. Нара, Япония

В середине 60-х годов VIII в. храм Первопричины был перестроен. На этот раз при его перестройке было использовано все пространство между «крепостными» квадратными стенами. Его занял большой Колонный зал (22×22 м), плоскую кровлю которого поддерживали 169 мощных деревянных колонн, опиравшихся на каменные базы (рис. 5). Исходя из характеристик типовых планов храмов манихеев, представленных в трактатах ал-Масуди и Димешки, этот храм был посвящен богу Солнца (Кюн-тенгри). Вскоре с южной стороны храма Солнца зодчие пристроили второй квадрат из сырцовых стен, соединенный с храмом широким проходом. Это был монастырь, очевидно, разделенный деревянными перегородками на ряд помещений. В восточной стене монастырской половины оставлены были ворота, в которые могла бы проехать двухколесная кибитка.

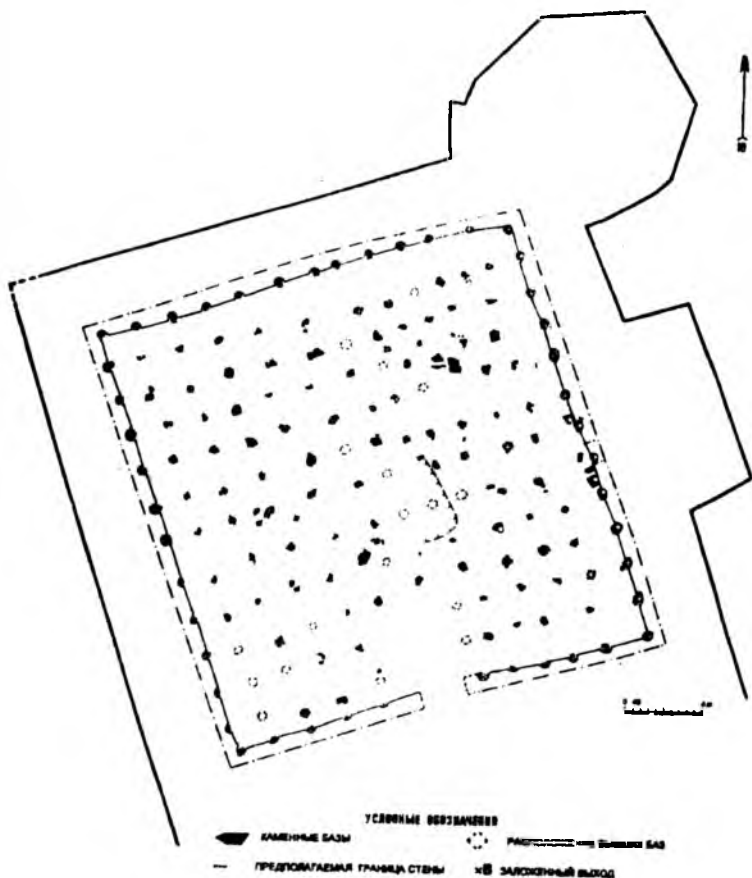

Рис. 5. Колонный зал в храме Солнца, пристроенный храм Луны (с севера) и храм Воздуха (с востока). Деталь плана монастыря (765—775 гг.)

В результате, к концу VIII в. завершилось создание прямоугольного храмового комплекса общей площадью 60×30 м, вытянутого с северо-запада на юго-восток. И сразу же к южному и северному углам прямоугольного здания были пристроены одинаковые высокие башнеобразные восьмигранные сооружения с уплощенным верхом (рис. 5 и 6). За счет выступов башен размеры всего комплекса увеличились до 72×37 м. Тогда же старый вход в Колонный зал храма Солнца был заложен, а новый устроен близ южной стороны северного восьмигранника (рис. 6).

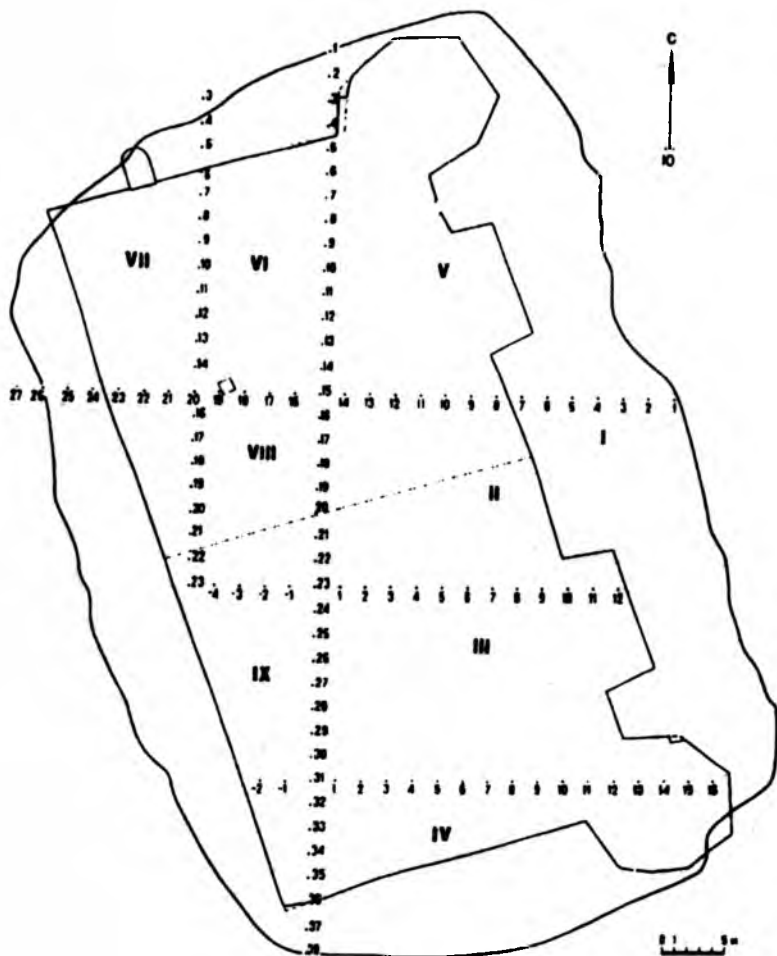

Рис. 6. Абрис бугра и план монастыря (с осями разрезов)

По ал-Масуди, сооружения восьмиугольной формы у сабейцев являлись храмами Луны. И если это так, то в «Уйбатском городе» одновременно функционировали не только центральный храм Солнца, но и два святилища богини Луны (Ай-тенгри). Солнце и Луна, согласно представлениям манихеев, образовались из светлых стихий Огня и Воды. Они-то и есть основные Корабли Света. Манихеи днем молились Солнцу, а ночью Луне. Неслучайно посередине северного

углового лунного святилища вскоре был заложен квадратный колодец (2×2 м) со стенками, укрепленными по углам жердями и столбами. При расчистке колодец, свидетельствующий о почитании водной стихии, быстро наполнился водой. Нельзя не отметить, что в северо-западной стене храма Солнца снаружи была встроена невысокая узкая глинобитная, сильно прокаленная платформа с овальным концом. Такие платформы в Средней Азии остаются от деревянных святилищ Огня (рис. 3 и 6)²⁸.

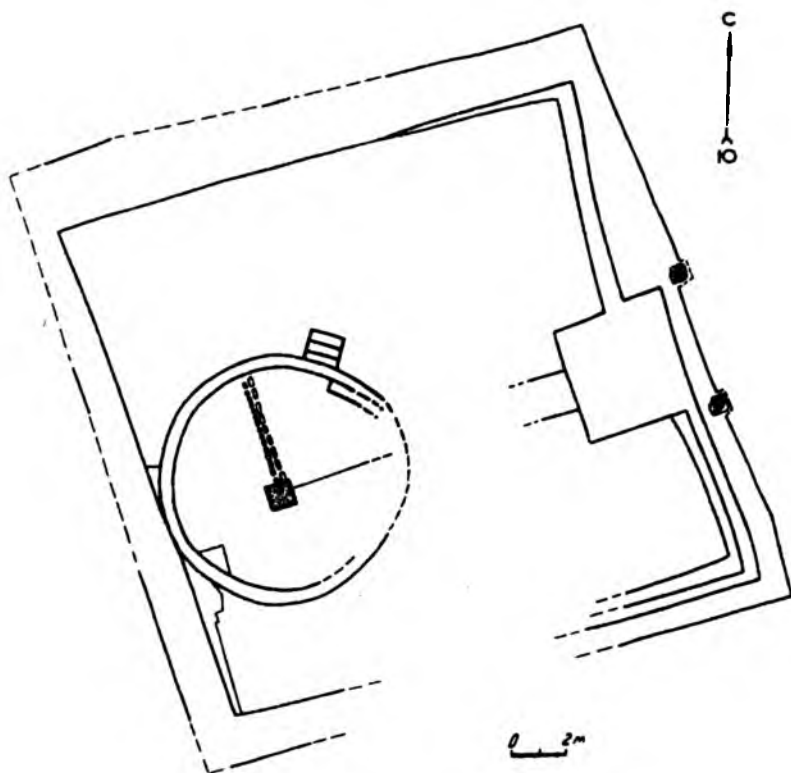

Рис. 7. План храма Мирпорядка (840—841 гг.)

По мере обветшания монастырского комплекса со временем пришли в негодность и конструкции храма Солнца. Колонный зал был

²⁸ Ср.: По Великому шелковому пути. Алма-Ата, 1991. С. 158—159 (храм Огня того же плана VII—IX вв.).

засыпан галькой и песком и около середины IX в. над ним, во втором ярусе, был сооружен новый квадратный храм (20×20,6 м), не имевший кровли, со входом с юга. В зале этого храма находилась круглая кирпичная «эстрада» (высотой 0,75 м и диаметром 8,8 м). С севера на это круглое возвышение вели три ступеньки подобно трехступенчатым алтарям огня в Иране при Ахеменидах. Посредине «эстрады» располагался квадратный алебастровый «алтарь» с низким бортиком, ориентированный углами по сторонам света. Во время службы на нем в ночное время можно было устанавливать светильник-жертвенник или астрономические приборы (рис. 7). Раскрытость святилища к небу — свидетельство гармонии с космосом. Этот подзвездный храм астрального, космического культа, по типологии Масуди, являлся храмом Миропорядка, т.е. Гармонии Мироздания. Скорее всего, этот храм сооружен был по случаю победы над Уйгурией в 840 г., в связи с надеждой победителей на установление миропорядка на земле.

Тогда же на восточной стене комплекса и на пристроенных к ней трапезиевидных платформах симметрично разместились два храма Воздуха. Каждый из них был открытым и не имел стен. Деревянные крыши поддерживались четырьмя толстыми колоннами, опиравшимися на каменные базы. Полы также были деревянными. Эти святилища установлены в знак свободы верующих под Небом для прославления Господа (рис. 6).

Наконец, был исследован самый поздний храм манихейского Уйбатского города — отдельное прямоугольное здание (20×16 м) без окон, со входом с восточной стороны. Внутри него располагался десятиколонный зал площадью в 228,5 кв.м. Колонны, стоявшие на каменных базах, ограничивали в западной части зала квадратное пространство, каждая сторона которого равнялась 7,5 м. Колонны поддерживали вышку со световым люком. Потолок был оштукатурен алебастром. С восточной стороны на полу лежала плита — подставка под светильник (рис. 8)²⁹. У южной стены зала нами была расчищена жертвенная яма (глубиной в 0,9 м) с костями крупной рыбы, птицы и мелкого рогатого скота — остатки обитателей воды, воздуха и поверхности земли. По типологии Масуди, прямоугольный храм посвящался манихеями Богу планеты Марс. Так как жертвы в виде плоти обитателей всех трех миров, расположенных на вертикальной оси вселенной, были засыпаны землей, то, видимо, они составили откуп за землю хозяину Преисподней — самому Богу Зла. Храм воинственному божеству планеты Марс был сооружен в XI в., когда

²⁹ Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Архитектурные сооружения и курганы средневековых хакасов... План на с. 215.

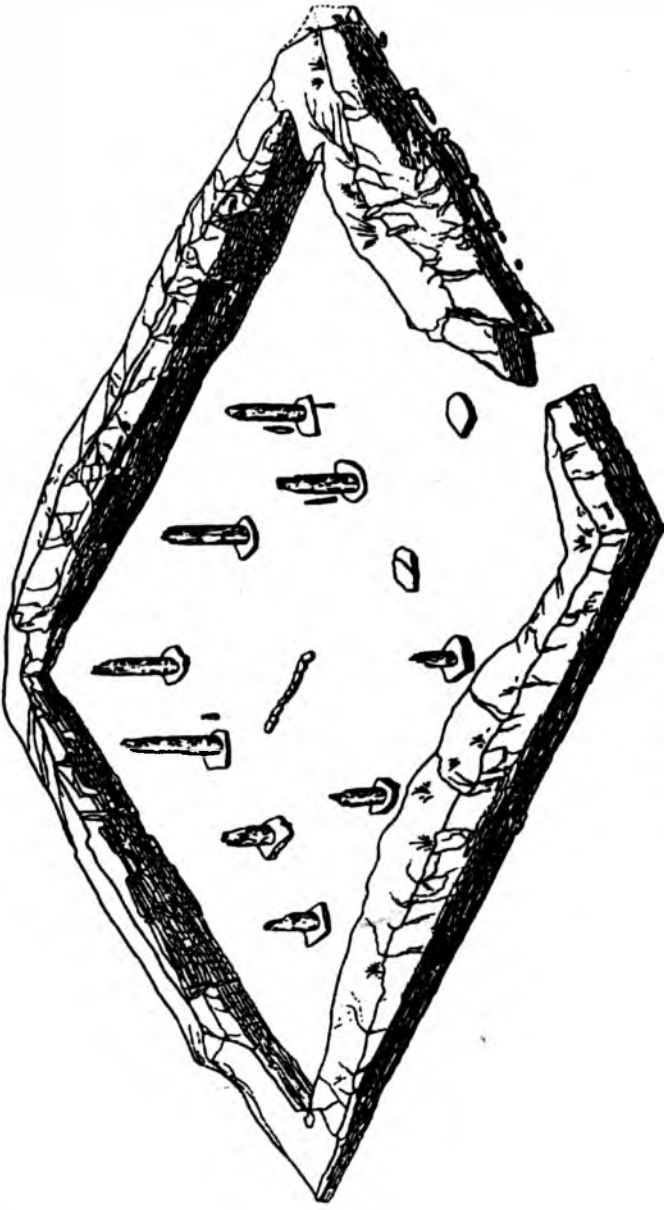

Рис. 8. Храм Марса. Аксонометрия. XI в.

появилась угроза нападения монголоязычных киданей и найманов. У южной стены этого храма также расширено пристроенное к нему святилище Огня.

Таким образом, Уйбатский город являлся Священным центром северного манихейства. В нем экспедицией МГУ обнаружено шесть монументальных храмов различного назначения и пять святилищ стихий (рис. 2). Сколько же священников и служителей различных рангов было призвано за 500 лет совершать здесь литургии, вести астрологические наблюдения, переводить священные тексты и молитвы на тюркский язык и размножать, используя местную руническую письменность? Заметим при этом, что основная ныне распаханная площадь города археологически еще не изучена.

Второй храмовый центр находился в 90 км к северо-западу от первого. В Батенёвском кряже, в верховьях реки Пююр-сух (Волчья река) — левого притока Уйбата, расположена котловина Сорга. Там в 1971 г. экспедицией МГУ был открыт и в течение двух сезонов исследован манихейский храм VIII—X вв. Прямоугольное здание (37,5×28,5 м) со стенами из сырцового кирпича было воздвигнуто на массивной каменной платформе. Внутренняя площадь его составляет около 800 кв.м. Потолок и стены были выбелены известью. Вдоль стен располагались галереи с колоннами.

Основной подъезд с широкой дверью и пандусом обращен был на восток, навстречу богине утра Танг-тенгри. Второй малый подъезд, также с пандусом, вел внутрь с севера. В Хакасии этот храм пока является самым ранним манихейским святилищем, посвященным «Царю Света» и богу войны Марсу³⁰. Вокруг храма располагался монастырский городок из деревянных служебных построек. Этот центр был сооружен скорее всего в середине 60-х годов VIII в., когда после смерти Элетмиш Бильге-кагана (759 г.) и длительного китайского похода его преемника Эльтутмыш-кагана (принявшего манихейскую веру в 762 г.), уйгурский напор и их надзор над енисейскими тюрками совсем ослаб. Возможно, аж Бильге Тун отбросил свой вассальный титул «иркин» и объявил о суверенитете своего Древне-хакасского государства. Чтобы прочнее утвердиться, он также в свою очередь объявил государственной религией уже давно проникшее на Енисей манихейство.

В обоснование этой державной политики около 765 г. и был заложен второй храмово-монастырский центр в горах Батенёвского кряжа. В предчувствии грядущих войн с Уйгурией в котловине Сорга был воздвигнут монументальный храм «Царю Света» богу войны

³⁰ Подробнее см.: *Кызласов Л.Р.* Средневековый манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) (в печати).

Марсу. И в то же время в Уйбатском центре был сооружен древними какасами мощный квадратный многоколонный храм Солнца, ознаменовавший собой утверждение государственного суверенитета народов Южной Сибири.

4

Открытие в долинах реки Уйбата и его верхних притоков невиданного скопления манихейских храмов, святилищ и монастырей само по себе является выдающимся событием в науке. Но не менее важным открытием для истории мировых религий и истории архитектуры оказалось неожиданное разнообразие типов культовых зданий и сооружений. Изумляет впервые подтвержденная археологией точность сообщений арабских ученых (ал-Масуди, Шахристани и Димешки) относительно конструктивного разнообразия сакральных сооружений, которое строго определялось посвящением тому или иному астрально-космическому божеству, а также — божествам основных стихий.

Естественно, что представленные нами археологические данные о северном манихействе могут оказаться далеко не полными. Но уже сейчас они документально подтверждают, что создание в долине Среднего Енисея столь крупного Священного центра стало возможным лишь в результате объявления манихейского вероучения государственной религией Древнехакасского государства, его официальной идеологией. Это событие, безусловно, упрочило суверенитет страны.

Вспомним, что к середине VIII в. восточное манихейство переживало нелегкие времена. Претерпевавшее нападки мусульманства, буддизма и христианства несторианского толка, не получившее свободы действий в Китае, оно, наконец, ощутило в 762 г. мощную поддержку уйгурского Бёгю-кагана. Но в 779 г. вновь начались гонения — последовал антиманихейский переворот в Ордубалыке.

Китайские источники сообщают, что, как и в других странах, «Мони носят белые одежды и шапки. Пьют только воду». Имеются свидетельства и о том, что они «имели ночные собрания... рисовали злого духа, гордо восседающим, и Будду, омывающим ему ноги, и говорили, что учение Будды есть верховная колесница (толк), а учение Мани — верховнейшая». Появилось даже новое обращение манихеев к своему пророку — «Мани-бурхан». В 768 г. велено было в Китае «построить монастырь для уйгурских Мони под названием “Да юн гуан мин” — “Великий облачный свет”». Второй монастырь для них был построен в столице в 806 г. Тогда «Мони привезли свой закон — ежедневно питаться овощем, пить воду и купно кумыс».

Когда в 847 г. часть уйгуров искала убежища в Китае, то «заслуженным» из них император приказал «выдать шляпы и пояса». Но в то же время «правительственное учреждение собрало манихейские книги и священные изображения и сожгло их на дороге. Имущество было взято в казну». В 817, 843 и 920 гг. манихейских монахов высылали из Китая или даже предавали смерти по причине их «злоупотреблений и возмущений»³¹. Как справедливо писал В.В. Бартольд, «Манихеи как в христианском, так и в мусульманском мире только в исключительных случаях могли открыто исповедовать свою веру». Поэтому о культе восточных манихеев повествует только один из китайских текстов. Однако вера «различает в манихейском монастыре пять зал: 1) зал для священных книг и картин; 2) зал для поста и объяснения; 3) зал для поклонения и покаяния; 4) зал для преподавания; 5) зал для больных монахов»³².

Новая эпоха, открывшаяся со времен уйгурских вторжений через Саяны на Средний Енисей в 758 и 790 гг. и особо явно проявившаяся с созданием мощного единого государства саяно-алтайских народов в 840 г., предоставила манихейству полную свободу действий. Это, очевидно, послужило основной причиной перемещения центра манихейской церкви далеко на север, в междуречье Енисея и Абакана. Новая вера, став государственной религией Древнехакасского феодального каганата, получила мощную официальную поддержку, а также возможность распространять пропаганду и свет своего учения на всю остальную Сибирь. Это привело к полному культурному перевороту в жизни южносибирского населения. Разгорелся очаг невиданной дотоле в Сибири западной культуры и образованности, распространявший далеко на север разнообразные знания и широкую грамотность на литературном тюркском языке.

По данным В.В. Бартольда, архипастыри манихеев (епископы, пресвитеры и др.) могли занять высокий церковный чин, только получив высшее образование. Углубленные занятия астрологией, астрономией, математикой, богословием и другими прикладными и точными науками влекли за собой зрелые философские размышления. Манихеи имели собственный календарь, вели исчисление текущего времени по эре Мани, начиная с года его рождения (216 г. н.э.). И все это было принесено ими в Сибирь.

³¹ Палладий. Старинные следы христианства в Китае, по китайским источникам // Восточный сборник. СПб., 1877. Т. 1. С. 12, 50—53; Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена... С. 331 и 337; Малавский А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. С. 31, 46, 51, 54, 55, 57, 61 и 193.

³² Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. С. 218—231.

Как мы уже видели, среди манихеев имелись жрецы-архитекторы и строители³³. Были у них и высокие покровители из числа государственной элиты. Географ конца X в. Макдиси сообщает о двух способах, к которым прибегали ученые его времени для распространения своих трудов: они или устраивали «собрания для чтения лекций», куда старались привлечь иностранцев, чтобы эти ученики потом разносили по миру славу своего учителя, или же — посвящали свой труд какому-нибудь знатному лицу.

Четкая внутренняя иерархия, присущая манихейству, предусматривала пять рангов. Церковь возглавлялась «учителями» или «апостолами», которых было 12. Далее шли 72 епископа и 360 пресвитеров (иногда называвшихся «домоуправителями»). Большинство убежденных манихеев составляли «святые» или «избранные», а низшим рангом являлись рядовые — «слушатели». Можно полагать, что вновь обретенная провинция северного манихейства также возглавлялась важным апостолом, опиравшимся, в свою очередь, на некоторое число епископов и пресвитеров. Сколько же священников-праведников, бродячих миссионеров-вероучителей, пречистых монахов-лекарей, переписчиков священных книг по обету, учителей грамоты и писцов, аскетов-отшельников, послушников и церковных служек появилось на Саяно-Алтайском нагорье? К сожалению, библиотеки и книги, рукописи и записки погубило неумолимое Время.

В тексте, начертанном на камне одной из древнехакасских эпитафий конца IX в. из Суджи, исповедующий манихейство вельможа, судья Бойла («сын кыргыза»), упоминает своего вероучителя, называя его по-сирийски «мар»³⁴. Именно так называли своих священников манихейцы. Буддисты (позже ламаисты), как тюрки, так и, от них, монголы, заимствовали многие манихейские (ираноязычные) термины: «ном» — название священных книг, «супурган» — у манихеев постройки, где выставлялись трупы, так как предавать тело земле было запрещено (монгольское «субурган», индийское «ступа»), имена божеств, например индийского бога Индры. У манихеев оно произносилось как Ормузд (иранское), а в адаптации монголов — Хурмуста-тенгри и т.д.

От других мировых религий манихейство отличала редкая и чрезвычайно важная особенность — в любой стране его адепты для распространения своего вероучения пользовались языком местного населения. В.В. Бартольд писал: «Манихеи применили к транскрипции звуков иранского и турецкого языков свое письмо арамейского происхождения; по словам мусульманского автора, „люди Маверан-

³³ На Ближнем Востоке с древности только жрецы проектировали «Дома Богов» и другие сакральные сооружения.

³⁴ Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М.:Л., 1952. С. 84.

нахра и Самарканда” писали этим письмом “книги веры” и называли его “письмом веры”... согдийские манихейские тексты относят ко времени не ранее VII в. ... в VIII в. уже существовала манихейская литература на китайском языке... манихейство сделалось господствующей религией в некоторых тюркских государствах, и еще в X в. тюркский хан-манихеец заступался перед Саманидами за своих самаркандских единоверцев”³⁵. Для нашей темы особенно важно помнить, что из всех мировых религий, получивших распространение в Азии, по имеющимся данным только манихейство применяло, наравне с манихейским, сирийским, согдийским и порожденным им уйгурским письмом, еще и руническую письменность тюрков³⁶. С первым приходом манихеев в середине VIII в. в Южную Сибирь связаны и три первых камнеписных памятника, найденных в Хакасии и Горном Алтае и запечатлевших государственную письменность Уйгурского каганата — младшее орхонское письмо. Надпись на применяемом манихеями сирийском письме эстрангело обнаружена на одной из бронзовых монет, находившихся в обращении у древнехакасского населения³⁷. В то же время распространилась и вторая донные не дешифрованная южноенисейская руническая письменность местных тюрков, близкая к западным (среднеазиатским) алфавитам евроазиатского корня³⁸.

Итак, в Южной Сибири манихеи повсюду проводили литургии и миссионерские проповеди на родном для аборигенов тюркском языке, используя тюркскую руническую письменность (прежде всего енисейскую), создавали духовные и философские сочинения, организовывали сеть монастырских школ для местных тюрков и, следовательно, распространяли широкую образованность среди них. Это привело к своеобразному «взрыву» образованности, к появлению в то время, если можно так сказать, местной тюркской интеллигенции тюрков-миссионеров и священников. То было время культурного и духовного возрождения восточных тюрков Средней Азии и Сибири, а также приобщения их к миру духовных и культурных ценностей, выработанных городскими цивилизациями западноазиатского ареала исторической активности народов.

Манихеи впервые создали в Южной Сибири разветвленную сеть религиозных библиотек при храмах, монастырях, миссионерских

³⁵ Бартольд В.В. Указ. соч. С. 219.

³⁶ Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. XIV—XXXIII, XXXV, XXXVII.

³⁷ Кызласов Л.Р. Памятники орхонского письма из Хакасии и Горного Алтая // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1997. № 1; Кызласов И.Л. Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями // Нумизматика и эпиграфика. М., 1984. Т. XIV. С. 94—95. Рис. 3.

³⁸ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994. С. 42—73, 174—180, 217—220, 289—318.

пунктах и отшельнических пустошах. В них собирались и хранились не только новые произведения манихейской литературы, написанные по-тюркски, но восстанавливались и переписывались произведения прошлого (несомненно, канонизированные труды самого Мани и его старших учеников), созданные на других языках (прежде всего, на среднеперсидских) и при помощи манихейской письменности. Переписка священных и иных, научных, книг почиталась за благой подвиг.

Значение манихейских библиотек наиболее ошутимо при изучении их остатков, обнаруженных в Восточном Туркестане и Дунхуане. Пользование такими библиотеками и содержащимися в книгах языковыми знаниями привело к появлению в енисейских рунических надписях Южной Сибири заимствованной лексики: сирийской (мар «вероучитель»), иранской и согдийской (баг «удел», азун «земная жизнь», абад «благоустроенность», аз «алчность»), санскритской (барм «совершенный», асур «асурий, злой дух», арзы «святой, отшельник») и даже арабской (эмин «надежный»). В собственные мужские имена аристократов наравне с традиционными вошли и такие слова, как йюкюнч «совершение молитвы» (Оттук-Даш II, Е 64), йеви́г «качества бодисатвы, необходимые для просветления» (Адыр-Кая)³⁹.

Образование, полученное в манихейских школах, обнаруживает себя в выявленном недавно использовании особой полногласной рунической орфографии (восходящей к среднеперсидскому правописанию VIII—IX вв. и самому принципу манихейского письма, полностью обозначающему гласные). Такое правописание стало особо характерным для поздних рунических текстов XIII—XV вв. Этим обозначился второй этап развития енисейского рунического письма⁴⁰. Под влиянием первичных знаний каких-то западноазиатских письменностей и языков появилось, весьма вероятно, и другое отклонение от собственно рунического правописания — так называемая псевдоруническая орфография⁴¹.

³⁹ В эту выборку включены примеры из еще не опубликованных прочтений И.Л. Кызласова.

⁴⁰ Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII — начало XV в.) // РА. 1994. № 1; см.: Насилов Д.М. К характеристике языковой ситуации в уйгурском государстве в IX—XIII вв. // Вестник Шелкового пути. Вопросы тюркской филологии. М., 1993. Вып. II; Фридрих И. История письма. М., 1979. С. 166.

⁴¹ Кызласов И.Л. Стелы с руническими надписями на Алтае. К выделению местных групп енисейских эпитафий // Вопросы тюркской филологии. М., 1997. Вып. III.

Отразилось в енисейских памятниках и манихейское мировоззрение. Так, в тексте стелы из Эль-Бажи в Туве (Е68/1, строка 16) рядом с обычными восхвалениями умершего витязя уже употребляется и манихейская формула покаяния: «...я следовал ошибкам точно ценностям». То же отмечается в тексте горноалтайской стелы Бар-Бургазы I, где с прежде не свойственной эпитафиям укоризной сказано, что героя «греховная алчность разлучила» с близкими⁴².

Массовое распространение грамотности, наличие собственной рунической енисейской письменности на литературном языке того времени ярко выразились в появлении в VIII—X вв. огромного количества манихейских наскальных надписей самого разнообразного характера по всему Саяно-Алтайскому нагорью и Центральной Азии (Хакасия, Алтай, Тува, территория современной Монголии). Особенно много наскальных отметок оставили молившиеся на природе. Многие из текстов представляют собой монотеистические обращения к Богу в самоуничижительной манере (раб божий, недостойный раб, презреннейший, греховный и т.п.).

Как известно, согласно манихейскому вероучению, человеческое тело сотворено богом Зла и лишь душа создана богом Добра. И вот на скале Крес-хая читаем молитвенную запись (Е137): «Вложите совершенную душу (буквально: нутро)». Строки Хая-Бажи V и III (Е24) вполне по-манихейски превозносят деяния, направленные на благоустройство земель; на «Городовой стене» (Е144) вырезан текст, в котором утверждается, что «благое преумножается путем уничтожения греховного» и т.п.⁴³

В Южной Сибири сохранились и памятники изобразительного искусства манихеев. Так, в Горном Алтае, на скале Ялбак-Таш, стоящей на древнем тракте, некий путник-манихей выгравировал изображение Сатаны. Подобные изображения бога Зла известны ныне во многих районах пребывания верующих манихеев — от Южной Сибири до Семиречья (Таласское Алатау)⁴⁴.

Другой важной особенностью манихейства как «всеобъемлющей универсальной религии» было то, что в отличие от христианства и

⁴² Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // РА. 1998. № 2 (в печати); Он же. Стелы с руническими надписями на Алтае... С. 47, 48, 51—54.

⁴³ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей С. 189—194.

⁴⁴ Кубарев В.Д. Сенмурв из Калбак-Таша // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск, 1992; Самашев З. Граффити средневековых номадов // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара, 1996. Вып. 1. Рис. 5 (Авторы статей манихейского Сатану не узнали. Ср. его описание в источниках: Беленицкий А.М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам Пянджикентских храмов... С. 70; Смагина Е.Б. Истоки и формирование представлений о царе демонов в манихейской религии // ВДИ. 1993. № 1).

буддизма оно «свободно и очень широко включало в свою систему многие образы и представления из местных языческих верований и культов»⁴⁵, в том числе из раннего тюркского шаманизма. Северное манихейство, которое явилось результатом слияния с языческими верованиями сибирских аборигенов, не уничтожило заложенного в них мощного духовного потенциала, возникшего от слияния их с древним культом родной природы.

Поэтому наряду с вероучителями-марами в письменных манихейских документах и в китайских хрониках этой поры упоминаются камы — тюркоязычные наименования не только языческих прорицателей и ясновидящих-шаманов, продолжавших практиковать психосоматическое лечебное воздействие на больных⁴⁶, но и собственно манихейских священников, служивших в храмах (например, «кам мар») ⁴⁷. В арабо-персидских источниках под манихейским влиянием их стали называть по-персидски фагинунами — очевидно, «прорицателями божьей милостью» (ср. иранское «фаг» или «баг» — бог; согдийское «вагнпат» — жрец; и парфянское «багнапат» — жрец)⁴⁸.

Сибирское манихейство есть прямое порождение манихейства центральноазиатского. Но если последнее было «облачено в буддийские одеяния», то на сибирское манихейство оказался накинута еще и шаманский костюм. Древние саяно-алтайские тюрки и их соседи после VIII—IX вв. не «остались обычными шаманистами», как считают до сих пор многие ученые. Приняв «всеобщую универсальную религию» Мани в качестве государственной, они стали «сибирскими манихеями», ибо здесь на севере среднеазиатское манихейство, подчиняясь своей природе синкретического развития и приспособления, впитало в себя и видоизменило местные южносибирские шаманистские культы. Это привело к гармоничному соединению двух религиозных систем. Шаманисты, «втянутые в манихейскую оболочку», стали сибирскими манихеями, в иерархии которых видоизмененные «камы» заняли соответствующее им место. Поэтому и имя божества в тюркоязычных священных текстах осталось язычески-древним — Тенгри.

⁴⁵ Якубовский А.Ю. Вопросы изучения Пянджикентской живописи // Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. С. 21.

⁴⁶ Ср. применение санскритского книжного термина на зеркале, использовавшемся, весьма вероятно, для шаманистского обряда: Кыласов И.Л. Новые материалы по енисейской рунической письменности // Советская тюркология. 1981. № 4. С. 93—95.

⁴⁷ Древнетюркский словарь. С. 545 (taŋriliǰdāki); Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 353.

⁴⁸ Бойс М. Указ. соч. С. 127; Бартольд В.В. Сочинения. Том II. Ч. 1. С. 125; Он же. Там же. Т. VIII. С. 48; Ср.: Согдийские документы с горы Муг. М., 1962. Вып. 2. С. 113, 197.

Так как древнехакасский «Хыргыз-каган» выполнял волю Неба, то небесными патронами Древнехакасского государства стали манихейские божества. Закономерно, что впоследствии тюркское Тенгри было у хакасов и алтайцев заменено иранским словом «Худай (Кудай)» — «Господь» (от персидского «Худа/Худо» — бог, принесенного с собою манихеями). Благодаря общению с манихеями в VIII—XII вв. лексика народов Саяно-Алтая обогатилась некоторой долей заимствованных иранизмов и арабизмов.

Но главное заключалось в бурном развитии сибирской письменной культуры, в широком распространении памятников енисейской письменности, ставшей государственной. В VIII—X вв. резко возросло количество стел с руническими эпитафиями, сохранившими тексты собственной тюркоязычной эпитафийной лирики, которые исполнены еще в древней национальной традиции, но, как мы видели, уже отражают и наступление новой веры. По-видимому, победа манихейского мировоззрения и покончила с традицией енисейских памятных надписей на стелах. Особую сферу манихейской эпиграфики, также одновременно и продолжавшей, и по-своему изменившей старинную южносибирскую культовую практику, составляют наскальные молитвенные надписи.

Южносибирское манихейство свободно развивалось до монгольского нашествия и, очевидно, некоторое время после него, способствуя политическому, идеологическому, культурному и языковому объединению многочисленного и разнородного населения Саяно-Алтайского нагорья. Судя по отдельным памятникам енисейской письменности, оно явилось знаменем общей борьбы народов за восстановление местной государственности еще в конце XIII — начале XV в.⁴⁹ Период расцвета Древнехакасского каганата — огромной единой южносибирской в своей основе державы — в IX—XIII вв., на протяжении пяти-шести столетий и позже неразрывно связан с манихейской идеологией и культурой.

5

Если взглянуть шире на некоторые историко-культурные процессы, протекавшие на территории Евразии в раннем средневековье, то можно сопоставить два события: в 762—763 гг. — государь центральноазиатских уйгуров победоносный Бёгю-каган принял манихейство и впервые сделал его государственной религией каганата; в 862—863 гг. — христианские миссионеры Константин (Кирилл) и Мефодий создали славянскую письменность и отправились в Вели-

⁴⁹ Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новый этап развития енисейской письменности...

кую Моравию распространять на славянском языке свою религию. Оба этих события сближаются благодаря сходным историко-культурным предпосылкам и последствиям. К восточным и к сибирским тюркам, так же как и к славянам, монотеистические религии пришли на их родных языках, с помощью собственных письменностей. В обоих случаях переход от язычества к мировым религиям сопровождался культурным «взрывом», вызвавшим в названных странах распространение массовой грамотности и образованности, а также зарождение и развитие книжного дела.

Отмечая IX век как «время подъема и оживления всей Восточной Европы, когда началось стремление славянства к организации и просвещению», Н.П. Кондаков приводит в своей статье «О манихействе и богумилах» важное свидетельство из знаменитых Паннонских житий просветителей Константина (Кирилла) и Мефодия. В XVI главе жития Константина повествуется, как по его возвращении, на пути в Рим, в Венеции «собрались на него епископы и попы и черноризцы, как вороны на сокола», и, обвиняя в создании славянского письма, «воздвигли триязычную ересь», утверждая, что священные книги достойны быть написаны только на трех языках: еврейском, греческом и латинском. Ответ философа вразумил обвинителей: «Дождь идет от Бога на всех равно... Мы знаем много народов книжных и Богу славу воздающих, каждый на своем языке. Яве же суть си: армяни, персьи, абазьги, авери, соужди, готьфи, обри, тоурьси, козари, аравляне, егхпты, и соури и ини мнози»⁵⁰. Очевидно, что создатели славянской письменности, как и многие современные им просвещенные обитатели Европы, в IX в. относили к числу «книжных» народов, имеющих свою письменность, не только арабов, персов и согдийцев, но и тюрков, тюркоязычных хазар и аваров («обров»). Тюркские народы, следовательно, тогда признавались давно оставившими темноту языческого политеизма и вступившими в мир «народов книжных», будучи просвещенными светом благочестивого единобожия.

Наибольший вклад в цивилизацию человечества вносит тот, кто твердо убежден, что все народы равноправны в своем стремлении к просвещению и культуре. Вместе с тем ответ Константина ярко высветил ту особую роль, глубину и широту письменной культуры, которую тюркоязычные народы Евразии обрели задолго до IX века.

Поступила в редакцию
10.11.97

⁵⁰ Кондаков Н.П. О манихействе и богумилах // *Seminarium Kondakovianum*. Prague, 1927. Vol. 1. P. 299; ср.: Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 88—89.